

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nvpatr@list.ru

ЗАЧИНЫ С ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ *ЕСТЬ* В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XX ВЕКОВ: ОПЫТ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

В статье представлен опыт структурного, семантического, функционального и композиционного описания бытийных зачинов с предикатом ЕСТЬ. Выявлена возрастающая в направлении к середине XIX – началу XX века динамика в использовании экзистенциальных инициальных высказываний, а также активность некоторых групп существительных – номинаций субъектов бытия, локализаторов и квазилокализаторов.

Ключевые слова: поэтический зачин, бытийное предложение, экзистенциальное предложение

В лирике, в отличие от других литературных родов, заглавие – не облигаторный, а факультативный элемент текста. В стихотворениях без заглавий функцию наименования выполняет первая строка, репрезентирующая произведение во внешнем мире, играющая важную роль в процессе декодирования художественного целого, управления читательским восприятием: «...первая строка произведения задает жанр, размер, ритм, тему и очень часто отношение автора ко всему стихотворению» [1; 28], поэтому, очевидно, «относительная важность первой строки в поэзии выше, чем в прозе» [1; 28]. Само отсутствие заглавия является значимым, предоставляющим «большую свободу для интерпретации содержания стихотворения и может свидетельствовать о возможности его неоднозначного толкования» [26; 58].

В русской синтаксической системе «сообщения о человеке – его личности, внешности, физическом состоянии, внутренних переживаниях... отношениях к другим людям и происходящих в его жизни событиях – обычно строятся по бытийной синтаксической модели» [2; 142]. Поскольку в поэзии, где «все события реальной действительности... оказываются погруженными в недра чьего-то сознания, становятся материалом чьих-то мыслей и чувств» [23; 177], преобладают зачины, содержащие сообщение о состоянии или мировидении лирического героя, то есть связанные с категорией «Человек», можно предположить активность инициальных предложений экзистенциального типа. В качестве объекта специального рассмотрения были выбраны первые строки, включающие бытийный глагол в форме настоящего времени. Результаты сплошной выборки свидетельствуют о росте числа бытийных зачинов в направлении к золотому и серебряному веку русской лирики: зачины с предикатом ЕСТЬ в поэтических произведениях малых жанров, относящихся к XVIII

столетию, представлены всего 5 репрезентациями (2 – Дмитриев, 1 – Хемницер, 1 – Богданович, 1 – Кантемир); на протяжении XIX века количество подобных инициальных образований резко возрастает (107 случаев – 27 авторов), поэзия XX столетия демонстрирует еще более высокую их активность (131 пример – 28 авторов).

Общим местом при характеристике поэтического хронотопа со времен А. А. Потебни стало утверждение о том, что лирика – это «презенс» переживания внутреннего субъекта. Входящий в зачин глагол ЕСТЬ, относящийся к изображающим мир в состоянии некой данности и статики несюжетным процессным предикатам, обычно имеет семантику настоящего неактуального (повторяющегося и постоянного) и идеально подходит для характеристики присущих всему роду человеческому ментальным состояний, выражения неких сентенций, общих суждений о жизни, всевременных процессов:

Во всяком роде есть безумцы и буяны... (Дмитриев)
Есть граница между ночью и утром...

(Р. Рождественский)

На каждый звук есть эхо на земле... (Тарковский)

Единичны репрезентации иного рода, когда форма ЕСТЬ получает грамматическое значение настоящего актуального или настоящего расширенного:

Есть еще вино в глубокой чашке... (Гумилев)

Есть у тебя еще отец и мать... (Цветаева)

Нет погоды над Диксоном. Есть метель.

Ветер есть. И снег. А погоды нет.

(Р. Рождественский)

Будет луна.

Есть уже немножко.

А вот и полная

повисла в воздухе... (Маяковский)

Панхронизм грамматической семантики дополняется исторически сложившейся многознач-

ностью персональной природы формы ЕСТЬ, которая в русском языке национального периода используется для выражения идеи существования не только какого-либо класса объектов в позиции 3-го синтаксического лица, но и приложима также к говорящему и адресату (в силу совершившегося в истории русского языка вытеснения иных форм парадигмы презенса глагола БЫТЬ¹). Как кажется, воплощению предикатом значения бытия вообще как не обусловленного чьим-либо волением процесса, независимо от Я-, Ты- или ОН-модусной рамки высказывания, способствует также омонимичность окончаний формы ЕСТЬ и инфинитива на -ТЬ.

Поэт представляет существование в мире описываемого далее, после зачина, явления как несомненное, видимое, слышимое или безошибочно угадываемое, прорицаемое интуитивно, постигаемое божественным озарением:

*Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье... (Баратынский)
Все снится: дочь есть у меня... (Бунин)*

Тем самым в бытийном предложении подчеркивается яркое модальное значение реальной экзистенции какого-либо предмета, не позволяющее представить тот же самый процесс как ирреальный (сослагательный, условный, оптативный, побудительный, долженствовательный по значению вариант бытийного предложения при сохранении исходного смысла «бытие объекта в мире» трудно представим), так что предложение в лирическом контексте, как правило, существенно сужает свои парадигматические возможности.

Интонация экзистенциальных зачинов, как правило, констатирующая, приглашающая читателя к совместному размышлению по поводу бытия некоего вдруг открывшегося поэту явления. Подчеркнуто эмоциональные вопросительные медитативные и риторические зачины занимают незначительное место в выбранном материале, не только диалогизируя лирический текст, но и являясь знаками сомнений лирического героя в возможности существования желаемого:

— *Есть ли счастье на свете сильнее любви?
(Лохвицкая)*
*Ты, чистая звезда, скажи мне, есть ли там,
В селениях твоих, забвенье и покой? (Лохвицкая)*
*До первой звезды есть ли звезды еще?
(Цветаева)*
*Есть тайна несказанная.
Но где, найду ли я? (Сологуб)*

Не случайно идея существования какого-либо явления способна в поэтическом высказывании сосуществовать со знаками отрицательной модальности (негативными частицами и приставками), подчеркивающими недоступность, недостижимость, «несказанность», странность называемого объекта или же «неправильность», дисгармоничность, парадоксальность мироуст-

ройства: *Есть в земном творении Облики незримые, Глазу незаметные... (Случевский); Есть много звуков в сердца глубине, Неясных дум, непетьх песен много... (А. К. Толстой); Есть много навсегда забытых впечатлений, Никем не понятых, никем не оценимых... (Фофанов); О, есть неповторимые слова... (Ахматова); Есть в литографиях забытых мастеров неизъяснимое, но явное дыханье... (Г. Иванов); Не с тобой мне есть угощенье, Не тебя мне просить прощения... (Ахматова); ...Есть недоступность чуда... (Адамович); Есть музыка неслышная во всем, что движется... (Вс. Рождественский).*

Бытийные конструкции с тесно взаимодействующими знаками негации и ассерции не только усиливают присущую лирике неопределенность субъекта существования, но и подчеркивают неоднозначность, множественность, «расщепленность» [27; 221] поэтической референции. По этой причине сообщение о реальности бытия некоего феномена иногда совмещается в инициальном высказывании с показателями субъективной гипотетической модальности (1) или категории неопределенности:

- (1) *Есть рыбы, говорят, которые летают!
(Дмитриев)*
Есть счастье у нас, поверьте... (Гиппиус)
*Как будто есть, как будто нет...
Умру наверно, а воскресну ли? (Гиппиус)*
- (2) *Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...
(Тютчев)*
*Есть что-то в ней, что красоты прекрасней...
(Баратынский)*
*Есть что-то знакомое, близкое мне...
(Кюхельбекер)*
*Есть старая песня, печальная песня одна...
(Григорьев)*
*Зловещее и смутное есть что-то
И в сумерках осенних и в дожде... (Фофанов)*
*Есть что-то грустное и в розовом рассвете,
И в звуках смеха, тонущих вдали... (Лохвицкая)*
Есть что-то позорное в мощи природы... (Брюсов)
*Где-то есть, за темной далью
Грозно зыблевой воды,*
Берег вечного веселья... (Брюсов)
Есть одна хорошая песня у соловушки... (Есенин)
*Ведь где-то есть простая жизнь и свет...
(Ахматова)*
У меня есть улыбка одна... (Ахматова)

В качестве субъектов экзистенции в поэтических зачинах выступают:

1. Личные одушевленные существительные: люди (Крылов, Кольцов, Лермонтов, Бальмонт), женщины (Мандельштам), отец и мать (Цветаева), дитя (Кантемир), дети (Надсон, Цветаева), дочь (Бунин), путники (Вс. Рождественский), безумцы, буйны (Дмитриев), прогрессист (Вяземский), подхалим (Маяковский), бесноватый (Случевский), лишие, добавочные (Цветаева), счастливцы и счастливицы (Цветаева), — среди

которых встречаются термины родства и имени – оценочные характеристики, а повторяющиеся здесь оказываются лексемы *люди* и *дети*, участвующие в выражении общих суждений о сути человеческого характера, например:

*Есть люди: мысли их и жесты
До оскорбительности ясны.* (Бальмонт)
*Есть странные дети: веселья и шума
Бегут, как заразы, они...* (Надсон).

2. Наименования объектов живой и неживой природы – *рыба* (Бальмонт), *рыбы* (Дмитриев), *зверь* *норок* (Кузмин), *птица* (Бальмонт), *птичка* (Лермонтов), *иволги* (Мандельштам); *роза* (Пушкин); *земля* (Тютчев, Случевский), *роща* (Козлов), *озеро* (Жуковский), *озера* (Вс. Рождественский), *небо, море* (Брюсов), *небесный свод* (Лермонтов), *звезды* (Цветаева), *луна* (Маяковский, Ходасевич), *другие планеты* (Бальмонт), *холм* (Блок), *ветки* (Майков), *колося* (Цветаева), *закаты, заря* (Вс. Рождественский), *мхи* (Бунин).

3. Названия артефактов: *вино* (Гумилев), *книга* (Анненский), *кольцо* (Лохвицкая), *украшение* (Фет), *телеграф* (Тютчев), *предмет* – о короне (Случевский), *силуэт* – об изображении лица (Лермонтов), *сад* (Гиппиус), *арка* (Вс. Рождественский), *собор* (Мандельштам), *домик* (Брюсов), *двери* (Есенин), *деньги* (Майков), *дача* (Батюшков), *палата* (Пушкин), *мостки* (Гиппиус), *грот* (Баратынский), часть из которых участвует в формировании лирического топоса. Конкретные реалии, очень не часто включаемые как субъект бытия в инициальное поэтическое высказывание, получают обычно неопределенные, условные характеристики, намеренно «остраняющиеся» в лирическом тексте, так чтобы узнавание и верификация предметов были крайне затруднительными для читателя, например:

*Мостки есть в саду, на пруду, в камышах.
Там, под вечер, как-то, гуляя,
Я видел русалку...* (Гиппиус)
*Есть кольцо у меня – изумруд
И рубин в сочетании странном горят...* (Лохвицкая)
*Есть арка – такой не бывало:
Она никуда не ведет...* (Вс. Рождественский)
Есть грот. Наяда там в полдневные часы... (Баратынский)

4. Слова, связанные с мифологией, религией, библейскими легендами: *мир духов* (Вяч. Иванов), *духи зла* (Полежаев), *Творец* (Богданович), *Божий дар* (Гиппиус), *на небе сад* (Лохвицкая), *Зевс* (Вяч. Иванов), *демон* (Брюсов), *демон утра* (Блок), *пророки* (Гумилев), демонстрирующие интерес поэтов к тайнам божества и творения, инфернальным сущностям.

5. Формирующие ключевой хронотоп произведения: временные понятия – *время* (Некрасов), *времена* (Блок), *дни* (Блок), *годы* (Брюсов), *месяцы* (Брюсов), *пора* (Тютчев), *прошлые дни*

(Брюсов), *минуты* (Фофанов, Блок), *часы и дни* (Тютчев), *час* (Хомяков, Тютчев, Ахматова, Цветаева), *ночи* (Жуковский, Случевский, Ходасевич), *мгновенье* (Тютчев), *мгновенья* (Некрасов, Случевский, Вяч. Иванов), *граница между ночью и утром* (Р. Рождественский); поэтическое пространство – *место* (Лермонтов, Тютчев, Тушнова), *сторона* (Никитин), *край* (Бенедиктов, Некрасов, Плетнев), *угол на земле* (Баратынский), *страна* (Баратынский, Некрасов, Блок), *город* (Пушкин), *города* (Вс. Рождественский), *тропа* (Сологуб), *улица* (Брюсов), *зал* (Бальмонт).

6. Абстрактные сущности – самая многочисленная и разнообразная группа слов в позиции бытийствующих субъектов – названия состояний, эмоций, качеств, процессов и их проявлений, моральные и философские категории: *жизнь* (Кольцов), *жизнь и свет* (Ахматова), *бытие* (Баратынский), *причина* (Сельвинский), *закон* (Слуцкий), *вдохновение* (Сологуб), *любовь* (Бальмонт, Сологуб), *счастье* (Лохвицкая, Гиппиус), *горе* (Никитин, Лохвицкая), *прямость*, *честь*, *подвиги* (Цветаева), *радость* (Батюшков, Мережковский, Бальмонт), *радости* (Лохвицкая), *чувство* (Случевский), *чувство адское* (Бенедиктов), *восторг* (Бальмонт), *нежность* (Бальмонт), *выбор* (Кузмин), *мечта* (Вс. Рождественский), *мечты* (Фофанов), *сила* (Вс. Рождественский), *недоступность чуда, мука, сомнения* (Адамович), *обольщение* (Брюсов), *величье* (Сельвинский), *свобода* (Мандельштам), *игра* (Мей, Блок), *поцелуй* (Бальмонт), *ирония* (Слуцкий), *умение* (Самойлов), *цвет* (Вяч. Иванов), *белость* (Брюсов), *запах* (Ходасевич), *скрип* (Ходасевич), *целомудрие* (Гиппиус), *дыханье, напев, шорохи, колыханье* (Г. Иванов), *грусть* (Фофанов), *скорбь* (Надсон), *мысли* (Тютчев), *певучесть* (Тютчев), *пристрастие* (Тютчев), *прелость* (Тютчев), *права* (Григорьев), *значение* (Тютчев), *наслаждение* (Глинка), *наслаждение* (Батюшков), *толк* (Жуковский), *гармония* (Батюшков, Тютчев, Случевский), *ласка* (Брюсов), *соответствия* (Сологуб), *красота* (Бальмонт), *краса* (Фет), *блеск и сила* (Фет), *одиночество* (Апухтин), *забвенье и покой* (Лохвицкая), *прекрасное* (Ходасевич), *трудное, стыдное* (Гиппиус).

7. Сущности, связанные с тайнами мироздания, необъяснимыми и непонятными человеческому разуму: *намеки тайные* (Бальмонт), *чудеса* (Блок), *виденья* (Лохвицкая), *облики незримые* (Случевский), *тайна* (Сологуб), *поверье* (Случевский), *заветный мир* (Глинка), *заветная черта* (Ахматова).

8. Звуки мира, слова, тексты: *слово / слова* (Анненский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, Ахматова, Адамович), *речи* (Лермонтов), *звук* (Вяч. Иванов), *песня* (Григорьев, Бальмонт, Есенин), *стихи* (Вс. Рождественский), *рифмы* (Цветаева), *преданье* (Вяземский), *музыка* (Вс. Рождественский), *эхо* (Р. Рождественский), *весть* (Блок).

9. Особенно выразительными и приковывающими внимание читателя к зачину оказываются яркие окказиональные метафоры-загадки и смежные с ними олицетворения, сравнения, расшифровать которые иногда можно только исходя из всей следующей за инициальным высказыванием части стихотворного произведения: *Источник страсти есть во мне...* (Лермонтов); *В груди у юноши есть гибельный вулкан...* (Бенедиктов); *Есть цветок: его на лире...* (Бенедиктов) – о возлюбленной лирического героя; *Есть близнецы – для земнородных Два божества – то Смерть и Сон...* (Фет); *Есть бездна мрачная, та бездна – отрицанье...* (Надсон); *Есть у свободы враг опаснее цепей...* Он – всем врожденная способность примиренья (Надсон); *Есть за гранью мирозданья Заколоченные зданья...* Всяких планов и моделей... Не добравшихся до целей! (Случевский); *Есть заросли пространств, как на земле бывают...* (Случевский); *Есть духи глаз.* С куста не каждый цветет... (Вяч. Иванов); *Три брата есть: Благоговенье, Чей взор потуплен, лик покрыт, И личности хранитель – Стыд, И холод чистоты – Презренье...* (Вяч. Иванов); *Есть белый цвет и черный – Два врага, как Да и Нет...* (Вяч. Иванов); *Есть час Души, как час Луны...* (Цветаева). Единичным словоупотреблением представлена метонимия: *У меня есть мама на васильковых обоях* (Маяковский).

Структура бытийных предложений в системе языка обычно содержит локализатор ситуации (место / время события) или квазилокализатор (обычно носитель или источник состояния). Экзистенциальные лирические зачины в половине случаев (более 50 % репрезентаций) не содержат ни локализатора, ни квазилокализатора: *Есть обитаемая духом Свобода – избранных удел...* (Мандельштам); *Есть люди: будь лишь им приятель...* (Крылов); *Есть роза дивная: она...* (Пушкин) и т. п. «Локализатор... регулярно отсутствует в предложениях, касающихся абстрактных категорий, существование которых не соотнесено с какой-либо конкретной областью...», – отмечают Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев, имея в виду языковую норму [2; 88]. В лирике же, благодаря метафорической конкретизации мира и участию зачина в построении медитативного дискурса, локализаторы оказываются возможными и в размышлениях об «общих вещах»:

Есть мысли тайные в душевной глубине... (Майков)
Одна есть в мире красота. (Бальмонт)
Есть ценностей незыблемая скала
Над скучными ошибками веков. (Мандельштам)

Обнаруженные в бытийных началах локализаторы представляют собой именования:

- места существования субъекта (примерно в 15 % репрезентаций), обычно отсылающие читателя к референциальному неопределенным или максимально обобщенным локусам (весь мир или некий его фрагмент): *там* (Кольцов,

Лохвицкая), здесь (Майков), где-то (Брюсов, Ахматова), на свете (Хемницер, Лохвицкая, Вс. Рождественский), в мире (Кольцов, Фет, Брюсов, Бальмонт, 2 примера у Цветаевой), в этом мире (Ходасевич), на земле (Баратынский, Гиппиус, Тарковский), над твердью (Вяч. Иванов), в небе (Лохвицкая), в пучине воздушной, в небесном огне (Кюхельбекер), в морских волнах (Тютчев), в горней вышине (Тютчев), за гранью мирозданья (Случевский), за далью синей (Блок), на севере (Некрасов, Бунин), в России (Пушкин), у быстрых ключей (И. Козлов), перед скалой (Жуковский), в лесах (Мандельштам), в дикой роще, у оврага (Блок), на крутом берегу (Сологуб), в саду (Гиппиус), в старинном доме (Бальмонт), в любом учреждении (Маяковский); лишь изредка координаты ситуации оказываются более точными: в Кельне (Мандельштам), в Хороссане (Есенин), в нашей столице (Брюсов), над Диксоном (Р. Рождественский), у русского царя в чертогах (Пушкин), в патриаршей ризнице в Москве (Случевский), в старой лавре над Днепром (Случевский);

- временных понятий, также неопределенных и размытых с точки зрения границ проявления состояния или качества (всего в 4 % бытийных зачинов): в каждых сутках (Ахматова), в ночи (Тютчев), в осени (Тютчев), в лете (А. Белый), в вечерний час (Брюсов), до первой звезды (Цветаева), между ночью и утром (Р. Рождественский), ныне (Гумилев), еще (Гумилев).

Квазилокализаторами как носителями состояния или свойства в лирических зачинах оказываются «все» и «всё», внутренний мир человека, абстрактные сущности, очень редко артефакты:

1. *Во всем* (Сологуб, Вс. Рождественский), в земном творении (Случевский), в природе (Фофанов), в русской природе (Бальмонт), в будничных вещах (Бальмонт), в календаре столетий (Брюсов), в людях (Вяземский), во всяком роде (Дмитриев), у каждого (Тушнова), в ней (Баратынский, Самойлов), у меня (2 репрезентации – Лермонтов, 1 – Маяковский, 1 – Ахматова, 1 – Лохвицкая, 1 – Бунин), во мне (Лермонтов, Случевский, Ходасевич), в стане моем (Цветаева), у тебя (Цветаева), между нас (Случевский), у нас (Случевский, Гиппиус), у юноши (Бенедиктов), для поэта (Хомяков), у поэтов (Григорьев), у возлюбленной (Фет), у Музы (Тютчев), у соловушки (Есенин);

2. *У души* (Глинка, Вс. Рождественский), в душе моей (Лохвицкая), в сердца глубине (А. К. Толстой), в душевной глубине (Майков), в глубине души (Брюсов), в светлых тайниках души (Блок), у воспоминаний (Ахматова);

3. *В жизни* (Тютчев, Вяч. Иванов, Брюсов), в разлуке, в моем страдальческом застое (Тютчев), в светlostи осенних вечеров (Тютчев), в зелени берез (Майков), в сумерках осенних и в дожде (Фофанов), в розовом рассвете, в звуках смеха (Лох-

вицкая), в мои природы (Брюсов), над скучными ошибками веков (Мандельштам), в моем мышленье (Случевский), в напевах твоих (Блок), в муке (Сологуб), в близости (Ахматова), в труде (Сельвинский), у бессмертья (Вс. Рождественский);

4. В литографиях (Г. Иванов), в вине (Брюсов), у государства (Слуцкий).

Таким образом, множественность и неопределенность референции характеризует позицию не только субъекта, но и локализатора бытия в поэзии. Поэт по праву пророческого дара утверждает часто существование явлений не наблюдавших, рационально не доказуемых (*Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза, Когда нам истина сама собой видна...* (К. Бальмонт)), только интуитивно угадываемых и на-

ходящихся в столь же неоднозначно толкуемом хронотопе, а адресат может лишь поверить в реальность бытия принципиально не верифицируемых объектов лирической медитации, на чем настаивает поэт: *Есть, есть гармония живая...* (Случевский).

Таким образом, экзистенциальные зачина в лирическом роде, содержащие, как правило, панхронический по своему грамматическому значению предикат и абстрактный субъект бытия, служат прежде всего для создания «генеритивного регистра» (в терминах Г. А. Золотовой [8; 395]) и демонстрируют pragматическую установку на выражение неких общих представлений о мироустройстве, поэтическое философствование о жизни и человеке, макро- и микрокосмосе.

*Исследование выполнено в рамках финансируемого Минобрнауки РФ проекта № 01201253235 «Русская поэтическая грамматика» и при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В поэзии, где архаические явления сохраняются, как известно, дольше, чем в иных сферах языка, мы встречаем уже давно ушедшие из живого употребления и стилистически отмеченные формы БЫТЬ: *Я есмь. Ты будешь. Между нами – бездна* (М. Цветаева); *Я есмь, доколе я один...* (Вяч. Иванов); *Аз и Есмь лучит алмаз...* (Вяч. Иванов); *Ах ты гой еси, правда матушка!* (А. К. Толстой); *Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!* (Лермонтов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–31.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. 198 с.
3. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 283 с.
4. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 207–214.
5. Джанджакова Е. В. Типы связи между заглавием и контекстом лирического стихотворения // Системность языковых средств и их функционирование. Куйбышев, 1989. С. 114–123.
6. Ессеева Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11. С. 45–50.
7. Жирмунская Н. А. Эпиграф и проблема импликации в поэтическом тексте (на материале лирики А. Ахматовой) // Филологические исследования. М.; Л., 1990. С. 342–350.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
9. Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкоznания. 1986. № 1. С. 3–13.
10. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
11. Кожевникова Н. А. Симметричные и асимметричные конструкции в синтаксисе лирики // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М., 2009. С. 785–811.
12. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М., 1988. С. 167–183.
13. Кожина Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987. С. 111–116.
14. Кошева И. Г. Название как кодированная идея текста // Иностранные языки в школе. 1982. № 2. С. 8–10.
15. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1979. 327 с.
16. Ламзина А. В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. 1997. № 3. С. 75–80.
17. Матвеев Б. И. Первое слово автора, обращенное к читателю // Русский язык в школе. 1996. № 2. С. 63–71.
18. Мерлин В. В. Самоотрицание текста (К семантике поэтической концовки) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990. Т. 49. № 1. С. 3–15.
19. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста / Под ред. Е. В. Красильникова. М.: Наука, 1993. 238 с.
20. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1990. 300 с.
21. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 418–433.
22. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 2000. 416 с.
23. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. 223 с.
24. Соловьева А. К. Заметки о типологии начальных строк художественных прозаических произведений // Филологические науки. 1976. № 3. С. 56–60.
25. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
26. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 157 с.
27. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.